

Окончание. Начало — на стр. 1

Михаил ДЕЛЯГИН.

Обслуживание внешних интересов делает власть разрушительной, а сословность — глухой к потребностям общества. В сумме это обеспечивает, как в последний период царизма, немываемость власти, нерешаемость ключевых проблем, блокирование развития и туликовую ситуацию, в которой неизбежно возникновение заговоров. Ситуацию для нас пока смягчает глобальный кризис, отвлекающий внимание и силы западных «элит» и оставляющий российский властям определенное пространство для маневра и продвижения своих интересов. Но надо понимать, что кризис не вечен, и Россия выйдет из него, скорее всего, ослабленной и технологически отсталой по сравнению с основными "центрами силы". Современное Российское государство, насколько можно судить, создавалось в рамках СССР для разграбления советского наследства. И, хотя российская внешняя политика стала хотя бы стремиться к защите суверенитета и тем самым интересов народа, — социально-экономическая политика осталась либеральной. Этот гибрид нежизнеспособен: если народ не нормализует социально-экономическую политику, не обеспечит переход от разграбления страны к ее развитию, — она утянет Россию в новую Смуту.

Ситуация усугубляется тем, что грабеж основной части материальных ресурсов, унаследованных от советской цивилизации, сопровождался и грабежом социальных ресурсов общества. Начиная с 1991 года в стране идут мощные социальные реформы, направленные на лишение людей привычных (и, строго говоря, необходимых) условий существования. Внешне это выглядит как уничтожение повседневности, как разрушение самой возможности нормальной жизни. Тот "социальный договор", который худо-бедно обеспечил "путинскую стабильность", легко может быть денонсирован властью, поскольку "пирог", производимый на территории нашей страны, больше не становится, развития нет. Причем даже формальная национализация, на которой настаивают отечественные "левые", здесь совершенно недостаточна: нужен реальный контроль общества за тем, чтобы общественное имущество управлялось в его интересах, а не в частных интересах управляющих. А такой контроль невозможен в условиях глобальной "диктатуры доллара".

Новые технологии, в том числе информационные, "цифровые", объективно создают ранее не существовавшие возможности для решения этих проблем, но в нынешних условиях они, скорее всего, будут использоваться в прямо противоположных целях: не развития демократии, а установления "электронной диктатуры"; причем это касается не только социальной активности людей, но и их экономической, производственной активности. И это, в свою очередь, будет подталкивать Россию к новой революции, причем не "революции сверху", а "революции снизу". Поэтому вы-

Газетный вариант. Полностью — в журнале «Изборский клуб» и на сайте izborsk-club.ru

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА империя находилась в дурном, патовом равновесии сил: дворянство уравнивалось буржуазией; классы — властью самодержавного центраверху; вместе они уравнивали население — и это при стремительно нарастающих проблемах социального и экономического характера. Мировая война сломала патовую ситуацию; она не только разбудила "спящих субъектов", высвободив их силы, но и расчистила для них площадку, пространство. Пружина разжалась, и процессы пошли с нарастающей скоростью — одновременно и к Февралю, и к Октябрю. Что не менее важно, в условиях войны на русской площадке помимо своих субъектов появились чужие — западные. Они вступили в определённые отношения с субъектами внутри страны, в результате чего начали оформляться международные (российско-западные) классовые коалиции, двойные (внутренне-внешние) субъекты (субъекты с двойной массой), нацеленные на свержение самодержавия, а затем — на борьбу за контроль над Россией. Таких тактических коалиций, двойных субъектов со временем возникло аж три.

В дискуссиях о причинах революций можно выделить несколько линий. Ограничим двумя: противостояние сторонников примата структурных факторов, с одной стороны, и свободного волевого действия — с другой. В англосаксонской литературе эта контрверза звучит как "stricture versus agency". Другая линия не менее жарких споров — акцентирование либо внутренних, либо внешних факторов. Многие исследователи пытаются найти решение по принципу "золотой середины" — якобы истина лежит посередине. На самом деле, прав был Гёте, считавший, что между двумя противоположными точками зрения лежит не истина, а проблема. Проблема, добавлю я, которую спорящие стороны не могут решить, нередко — потому что не видят саму проблему. В такой ситуации поиски середины превращаются в пошлый многофакторный анализ, подменяющий целое суммой, динамику — статикой, а причинно-следственную связь — перечнем рядоположенных условий (факторов), причём чаще всего без указания на их системные связи и субординацию. Теория при таком подходе удмает, место теоретического обобщения занимает эмпирическое, научные факты подменяются эмпирическими, а само исследование покидает пределы научности.

Если говорить о контрверзе "structure versus agency", то здесь такая же ситуация, как с так называемыми объективными противоречиями: если бы структурных обстоятельств было достаточно для того, чтобы вспыхнули революции, последние были бы предсказуемым и довольно частым, если не постоянным, явлением. Это, однако, не так. Есть проблемы и в определении роли низов ("масс") в "старте"

"Русская мечта: храм на холме" — такова тематика очередного (№ 6 (52)) выпуска журнала "Изборский клуб". В чём состоит русская мечта? Отличается ли она от чаяний иных народов? На эти вопросы пытаются дать ответ авторы журнала Александр Проханов ("Есенин космический"), Сергей Баранов ("Мечта как русский двигатель"), Егор Холмогоров ("Рестааврация будущего"), Сергей Переслегин ("Русская цивилизация: работа над ошибками"), Шамиль Султанов ("Исламская мечта, или Цивилизационный проект, которого как бы и нет, но в то же время он существует"), Александр Домрин ("Американская мечта глазами русского"), Юрий Тавровский ("Китайская мечта: итоги первой пятилетки"), Владимир Елистратов ("Россия как планетарный МЧС"), Алексей Ваиц ("Время собирать").

Фундаментальную работу "Русская мечта. Ментальная карта" (доклад Изборского клубу) представил Виталий Аверьянов.

Итоги поездки Изборского клуба на родину Сергея Есенина — в материале "Рязанское отражение Русской мечты".

Рубрика "Стихия" знакомит с поэзией Виталия Аверьянова.

Раздел "Библиотекарь" представляет новые книги членов Изборского клуба.

Справку по телефону 8-985-256-91-24.

ходом представляется одновременное дей-

ствие в двух направлениях: — взрумление управляющей системы в целях пробуждения в ней инстинкта самосохранения и предупреждения срыва в Смуту (при всей ироничности формулы "просветлится — станет Боддхисатвой", как минимум, одному лидеру управляющей системы за последние две тысячи лет это удалось); — формирование максимально насыщенного культурно-интеллектуального "рас-творца", который обеспечит стремительное формирование "субъективного фактора" в случае срыва в Смуту.

Константин СЁМИН, тележурналист, ведущий ВГТРК.

Если сравнить две политические карты мира, 1917 и 2017 годов, то мы увидим как будто две разные планеты. Октябрьская революция стала, прежде всего, мощнейшим детонатором для национально-освободительных движений в бывших колониях и полуколониях империалистических держав, устранила идеиное, политическое и экономическое доминирование "западной" цивилизации. Это был такой тектонический толчок, волны от которого ощущаются до сих пор. Не просто главное событие XX века — ничего больше и лучше наша страна за всю её историю человечеству не предложила. И, сколько бы ни пытались капиталисты и империалисты всего мира это отрицать, факт остается фактом.

Говорят еще, что Россия из-за революции понесла невыслимый ущерб, что жертвы гражданской войны и Великой Отечественной — на совести "пламенных революционеров". Извините, а Первую мировую войну кто развязал, большевики? На чьей совести её жертвы? А кто развязал гражданскую войну, большевики? Нет, её развязали страны Антанты, которые рассчитывали ослабить Россию и разорвать её на куски. Все эти белочи, комучи, колчаки, деникины и врангели были на прямом содержании зарубежных держав, которые не нгушались и прямой оккупацией. Если бы не большевики, бывшая Российская империя наверняка была бы разорвана на множество враждующих между собой "новых национальных государств" и прошла не менее, но еще более кровавый путь междоусобиц, причем без всяких надежд на дальнейшее развитие — зачем Западу был еще один конкурент? Глава Временного правительства Александр Керенский этого даже не скрывал — достаточно посмотреть его интервью после Второй мировой войны. Да и наша история последних лет, "перестройки" и "рыночных реформ", наглядно демонстрирует, какие потери нас могли ожидать — да, более "размазанные" во времени и, условно твооря, путем удущения, а не расстрелов, но в данном случае это не принципиально.

Тем не менее, революция в России не только победила — она еще и сумела себя отстоять. Почему это стало возможным, хотя, казалось бы, силы были категорически неравны? Это стало возможным благодаря массовой поддержке и мобилизации всех слоев тогдашнего российского общества, в первую очередь — крестьянства. В чем тогда была сила большевиков? В том, что у них была точная "дорожная карта" действий на основе научного подхода, на основе теории марксизма. Они действовали в соответствии с этой теорией, которую воспринимали как руководство к действию, — достаточно точно, быстро и эффективно, хотя тот же Ленин всё время ругал своих соратников за расхлябанность и медлительность. Но с другой стороны были только хаос и неопределенность — уже Первая мировая войн, как скальпелем, вскрыла брюшную полость России, беременной революцией. А гражданская война завершила эту операцию. В итоге получились такое политическое кесарево сечение, но младенец, которому предрекали неизбежную и быструю смерть, не только выжил, но и прожил семидесят с лишним лет, вмевших в себя грандиозные свершения. И все мы — внуки эти состарившейся и, в конце концов, отошедшей в мир иной революции. Логика марксизма-ленинизма продолжает оставаться актуальной и сегодня. Еси мы

не сумеем её использовать, она будет использована против нас, и тут никакие иконы с крестами и миром, никакие монаршьи короны никого не спасут, как не спасли они Российскую империю от поражения в русско-японской войне и от удара в спину, нанесенного её вроде бы союзниками в Первую мировую войну.

Капиталистическая система неизбежно генерирует такие противоречия, которые разрешаются только глобальными кризисами и мировыми войнами. Так было и в XVIII веке, и в XIX, и в XX, так происходит и сейчас, в XXI веке. Выйти из этих циклов можно только при переходе к новому типу общества, прообраз которого предлагала всему миру наша страна в виде советского социализма.

Шамиль СУЛТАНОВ, руководитель Центра стратегических исследований "Россия — Исламский мир".

Как известно, Ленин выделял три важнейших признака или признака, описывающих системный кризис, который развивается в данном социуме накануне революции.

Владимир Ильич ЛЕНИН провозглашает советскую власть на II Всероссийском съезде Советов. Художник Владимир СЕРОВ (1962)

Первое: "Верхи не могут управлять по-старому" — то есть господствующий класс не может сохранять в неизменном виде своё господство. Почему же политико-экономический истеблизм не может это сделать? Февраль 1917 года предельно ясно ответил на этот вопрос. Тогда господствующий класс Российской империи почти мгновенно раскололся на конкурирующие группировки, причем абсолютное большинство этих группировок понимало, что врата к старой властной модели уже быть не может. А как в условиях системного кризиса управлять страной и людьми, никто из них не знал.

Что происходит в этом отношении сегодня, когда неокapитализм, сменивший во второй половине XX века капитализм классический, при переходе к шестому технологическому укладу, все больше погружается в новый глобальный системный кризис?

Прежде всего, ускоряется раскол глобального господствующего класса: между группами финансового капитала, где выделяются группировки "цифрового" капитала, между сторонниками реального сектора и виртуального капитала, между изоляциони-

стами и глобалистами и т. д. Большинство из этих группировок понимает, что в условиях быстрого инновационного развития во многих сферах жизни возврат к прежним моделям управления невозможен. И в условиях нарастающего системного кризиса мало кто способен смоделировать будущую (даже в среднесрочной перспективе) систему социума и подсистему управления им.

Второе: "Низы не хотят жить по-старому" — это означает резкое обострение нужды и бедствий угнетённых классов, а также их желание изменить свою жизнь к лучшему.

Социально-экономическое положение угнетённых классов в России, начиная с августа 1914 года, быстро ухудшалось. Угроза массового голода становилась всё более реальной — ведь миллионы кормильцев

всё большее распространение массовой нищеты, голода, болезней, ощущения тотальной безнадежности, что ведет к появлению глобальных иммиграционных потоков, росту многообразных форм радикализма, усилению жестких конфронтационных настроений в социумах и подъему экстремистских партий и организаций.

И все это в ближайшие десять лет будет идти только по нарастающей. То есть, революционный кризис потенциально будет усиливаться.

Наконец, третья ленинская характеристика революции — это рост активности масс, привлекаемых как всей обстановкой кризиса, так и самими "верхами", к самостоятельному историческому действию. Революция в России как раз и продемонстрировала способность масс к такому

онной теории сегодня гораздо выше, чем в 1917 году.

Александр ЛЮБИМОВ, экономист.

Соглашусь с тем, что естественная и мировая история дает множество примеров того, что происходит с общественным строем, когда не решаются насущные задачи развития. Аграрная проблематика в Англии, Франции, Германии во время Первой мировой войны отсутствовала, поэтому ничего похожего на российскую революцию там не произошло, хотя попытки коммунистов в потерпевших поражение центральных державах устроить советскую власть были. Тем не менее, с чисто экономического точки зрения, революция в России решала и решила, в первую оче-

РЕВОЛЮЦИЯ

редь, задачи устранения пережитков феодальной системы и выхода на передовые рубежи системы капиталистического типа при помощи государственного капитализма. Называть это социализмом — очень большая ошибка. Сталин пошёл на это сознательно, поскольку рассчитывал на перерастание капиталистических отношений в социалистические при сохранении советской власти. В СССР, можно сказать, был капитализм наоборот, вывернутый наизнанку. Но и говорить, что он ничего общего не имел с социализмом — тоже нельзя. Потому что общественная и коллективная собственность на средства производства при Сталине только укреплялась и развивалась. С этим мы провели коллективизацию и индустриализацию, победили в Великой Отечественной войне, восстановили экономику, вышли в космос, добились военно-стратегического паритета с "коллективным Западом", а дальше что? Мы уперлись не столько в теорию, сколько в объективность производственных отношений, которая всё-таки вывернулась обратно в капитализм. Можно ли было этого избежать? Я сейчас не могу ответить на этот вопрос — в Китае, например, пытаются это сделать на новом технологическом уровне и на гигантской массе реального сектора экономики. Но чем и как закончится этот эксперимент, никто еще не знает. Применительно к России мы даже не вернулись на уровень 1990 года, поэтому всерьёз задумываться о "следующем шаге" нам пока рано. Но понятно, что одной "общегражданской идеей" для этого всё-таки не обойтись, нужна будет и теория, и политическая организация, чего пока не просматривается.

Александр ДУГИН, лидер Международного Евразийского движения.

Октябрьская революция — огромная тема и крайне болезненное, патогенное ядро нашего общества. Тогда, в октябре 17-го года мы сделали что-то огромное, масштабное, что-то чудовищное или, наоборот, прекрасное. Но что же это было? Это лет русской истории не дали нам ни капли осмысленности в понимании сути этого события. Великие страдания, великие достижения, успехи XX века, в конечном итоге, породили зияющую семантическую пустоту.

История — совокупность не фактов, а смыслов. Событие само по себе превращается в историческое только после того, как оно подвергается интерпретации. Без интерпретации нет факта. Для человека только то является фактом и событием, что несёт смысл. Поэтому постепенная утрата смысла Великой Октябрьской социалистической революции или Октябрьского переворота (как угодно) — постепенно стирает сам факт. И если мы и дальше не научимся понимать смысл этого события, через какое-то время мы его утратим.

Чтобы обеспечить себе территорию осмысленного отношения к Великой Ок-

Андрей ФУРСОВ РОКОВЫЕ ПРИЧИНЫ ОКТЯБРЯ

От Империи — к Советам

революций. Формально-идеологически марксистская традиция исходила из примата действия масс. Однако учение Ленина о "примате нового типа", "партии профессиональных революционеров" и его практическая реализация в виде большевистской партии недвусмысленно указывают на элитистско-организационный подход. Тезис Ленина "дайте нам организацию революционеров, и мы перевернём Россию" говорит сам за себя. Большевики обосновывали своё право руководить массами (которые, согласно Ленину, без руководства со стороны партии способны только на борьбу за улучшение экономических условий) тем, что знают законы истории, то есть монопольно владеют истинным знанием, оседлали его — потому-то и могут вести массы. Массы ведомы профессиональными партийными кадрами. Лозунг Сталина "кадры решают всё!" — из той же серии.

Чего по понятным причинам не касались открыто марксисты в своих схемах — это роли в революции части правящей элиты. Без перехода на сторону руководящей массами контрэлиты части правящей элиты ни одна революция не свершалась. Это подтверждает история всех крупных революций, пожалуй, ярче всего — Французской 1789–1799 гг. Как заметил в середине XIX в. И. Тэн — автор одной из лучших историй этой революции — экономическое положение Франции в конце правления Людовика XIV (начало XVII в.) и в середине XVIII в. (правление Людовика XV) было много хуже, чем в 1780-е годы при Людовике XVI. Народ постоянно бунтовал, но никакой революции не произошло.

В конце 1780-х годов значительная часть французской элиты, в том числе правящей, стремилась к ослаблению монархии — и революция произошла. Разумеется, без движения низов, масс, по крайней мере, в столице и/или крупнейших городах революции тоже не происходят — дело ограничивается успешным или неудачным дворцовым (политическим) переворотом. Революция — это соединение воли, целей и интересов "улицы" в лице её вожakov (контрэлита) и части элиты; неважно, что соединение это краткосрочно, что в ходе революции либо одних, либо других устраняют — от того, кто устранен кого, зависит степень радикальности/умеренности рево-

люции, которая довольно часто, как заметил Энгельс, забегает вперёд, чтобы при неизбежном откате последний не оказался слишком болышим.

На короткий миг истории вожаки контрэлиты и играющие вместе с ними представители "Старого порядка" как группа, совершающая революцию, выступают — Маркс и Энгельс специально подчёркивали это в "Немецкой идеологии" — не как представители неких классов, не с узкоклассовых позиций, а как представители всего общества. Эта "всеобщность" связана с тем, что интерес совершающего революцию субъекта по логике борьбы до поры более или менее связан с интересами всех остальных негосподствующих классов. "На полях" авторы "Немецкой идеологии" помечают: "Всеобщность (о которой речь шла выше. — **А.Ф.**) соответствует: 1) классу contra (против) сословие, 2) конкуренции, мировым отношениям и т.д., 3) большой численности господствующего класса (следовательно, большой массы его низов, недовольных своим положением. — **А.Ф.**), 4) иллюзии общих интересов, вначале эта иллюзия правдива, 5) самообман идеологов и разделению труда.

Самообман (или, как сказал бы вслед за Энгельсом К. Мангейм, "ложное сознание") в его тотальном, а не частном варианте, таким образом, обусловлен реальностью. Она и порождает "двойного субъекта" ("субъекта двойной массы"), представленного контрэлитой и частью элиты. Двойственность революционного субъекта — это именно то, что превращает, отливает структурные проблемы в субъект волевого (революционного) действия, а этому субъекту придаёт качество персонификатора основных структурных противоречий общества. Революция — это всегда субъектное действие, направленное на преодоление системности ("праздник Истории"). Революция — субъектный акт по определению, она невозможна без революционного субъекта, который ни в коем случае нельзя отождествлять с так называемым "субъективным фактором".

Само противопоставление неких факторов, будь то революция или вообще история, как "объективных" и "субъективных", к которым по традиции относятся партии или просто организации революционеров, — ошибочно. Неверно противопоставлять "социально-экономические предпосылки" как объективные действия людей и организаций, особенно целенаправленным и подкреплённым мощным ресурсом, как субъективным. Во-первых, организации и структуры, их интересы, цели и действия столь же объективны, как и так называемые "социально-экономические предпосылки". Кстати, последние сами по себе не являются силами, они — условия.

Во-вторых, само противопоставление в научной и идеологической "литературе" о революциях неких факторов/сил как "объективных" и "субъективных", которое закрепилось с лёгкой руки неслучайного имевшего "четвёрку" по логике В.И. Ленина, — ошибочно. Ленин называл субъективным то, что на самом деле является субъектным. "Субъективный"

означает нечто обусловленное внутренним переживанием субъектом самого себя, его знанием, соотносящимся с объектом. Соответственно, субъективный фактор — действия в соответствии с этим знанием и переживанием. А как быть с классовым интересом? Это субъективное или объективное? Как быть с организациями, выражающими классовые интересы? Если некая сила воплощает в концентрированном виде долгосрочные и целостные характеристики класса или системы, представляет их, действует на их основе — это не объективный фактор? Что же тогда объективный?

На самом деле речь должна идти не об объективных факторах, а о системных и субъектных — и те, и другие объективны, но при этом один из аспектов субъектного фактора — субъективный. Субъектный фактор представляет собой целенаправленную деятельность субъекта по достижению своих целей, реализации планов и интересов на основе учёта, контроля и управления социально-историческим процессом, а с определённого времени — на основе проектирования и конструирования этого процесса. Последнее невозможно без знания системных законов истории, которые становятся законами действия субъекта.

Новоевропейская наука об обществе была системноцентричной. Попытка Маркса разработать теорию исторического субъекта и превратить её в науку успехом не увенчалась. Впоследствии эта линия теории Маркса продолжения не нашла — субъектное было сведено к субъективному, приобретая характеристики чего-то второстепенного. Из поля зрения исчезли очень важные агенты исторического изменения, а сами эти изменения стали изображаться как филиация одной системы из другой, одного комплекса "объективных факторов" из другого. В результате из истории исчез субъект как её творец. Одна из главных задач нынешнего этапа развития знания об обществе — не просто вернуть субъекта, но разрабатывать субъектоцентричную науку и, синтезировав её с системноцентричной, создать полноценную, многомерную субъектно-системную науку об обществе. Изучение революций — именно та сфера, которая особенно способствует анализу субъектности и в то же время невозможна без такого анализа. Причём речь должна идти именно о двойственном субъекте революции, не только по линии дихотомии "stricture versus agency", но в не меньшей, а возможно, и в большей степени по линии "внутреннее — внешнее".

Ясно, что без внутренних причин (условий, предпосылки) ни одна революция не происходит. Однако здесь необходимо обратить внимание на два момента. Во-первых, революция суть явления капиталистической эпохи, а капитализм в экономическом плане — единая мировая система, не признающая грани, товарные цепи их рассекает. Капитализм и возникает как система международного, надгосударственного взаимодействия. Ясно также, что гегемон мировой капсистемы (Нидерланды в XVII в., Велико-

британия в XIX в., США во второй половине XX — начале XXI в.) своей деятельностью существенно ограничивает суверенитет даже независимых государств, не говоря о государствах зависимых. Точнее в этом плане вести речь даже не о гегемоне, а о адре капсистемы в целом по отношению к периферии и к полупериферии. Я уже не говорю о закрытых национальных структурах мирового согласования и управления, существование которых обусловлено тем, что они призваны снять базовое противоречие капсистемы между целостно-мировым характером экономики и суммарно-государственным — политикой, и без которых существование капсистемы невозможно (они воплощают и реализуют целостные и долгосрочные интересы её системообразующего элемента — верхушки мирового капиталистического класса). Таким образом, сама природа капитализма делает границу между внутренними и внешними факторами не столь отчётливой, как в иных социальных системах и как это выглядит на поверхности самого капитализма, внешне организованного в виде системы национальных государств. Причём с развитием капитализма, его эволюцией эта граница становится всё более пунктирной и размытой — особенно в XX в., по мере формирования сверхэкономического класса и элитного взаимодействия между Западом и СССР.

Это одна сторона диалектики внутреннего и внешнего в революциях, связанная с капитализмом. Есть и другая, она связана с самой революцией как кризисным, хаотическим процессом развития общества.

Предреволюционная, кризисная ситуация воздействует на систему по двум направлениям. Во-первых, кризис — это разбалансировка системы, а в слабо сбалансированной системе, как правило, нарастают колебательно-хаотические процессы. Во-вторых, хаотизация системы приоткрывает, а иногда просто открывает её для внешнего воздействия. На практике этот эффект усиливается тем, что, как правило, власти пытаются решить проблемы путём реформ с привлечением внешних источников, а следовательно — внешних сил. В этом же направлении действует война. В результате система обретает сверхнормальную, избыточную открытость, которая не контролируется самой системой, вследствие чего она начинает развиваться не только, а порой и не столько по собственным закономерностям, сколько по внешним. Внешняя сила сначала становится "посторонним притягивающим фактором", а затем, интериоризируясь, перестаёт быть внешним, превращается если и не полностью во внутренний, то, по крайней мере, во внутренне-внешний. И, как замечает А.Маркеев, "происходит мощное вторжение в систему извне, совершенно чуждая системе сила использует её как поле для самореализации".

Этот "эффект Чужого" очень важен. Под его воздействием в системе начинают происходить события и процессы или возникать явления, вероятность которых для данной системы в её "чистом" виде крайне мала, а потому внутреннему наблюдателю они кажутся случайными, на самом деле таковыми не являясь. Однако даже если бы это было так, то, согласно теории Бромли (Bromley), любое явление, чья вероятность весьма мала, возникнув, порождает цепочку явлений одной с ним природы, расщепывая таким образом систему. Если же вдобавок мы имеем дело с явлениями, наведёнными внутренне-внешними факторами, то мы рискуем столкнуться с нарастающей невероятностью событий, тем более что внешне-внутреннее действие материализуется в виде двойного субъекта — внутренне-внешнего.

Статью полностью читайте в 10-м и 11-м номерах журнала "Наши современник" за 2017 год .

Фрагмент работы «Октябрь 1917 — момент истины русской смутореволюции»